

внутри профессионального сообщества. Эти положения носят рекомендательный характер и действительны только для стран-членов ICSID. Опора на подход к дизайну как к системе позволяет обозначить основные проблемные точки, связанные с этикой дизайна как видом проектной деятельности. В дальнейшем эти проблемы могут изучаться специалистами-гуманитариями и учитываться в практической работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1.Быстрова Т. Ю. Философские проблемы творчества в искусстве и дизайне. Учебное пособие. 2-е изд. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009. – 159 с.
- 2.Рио В., Драгунская И. Этика дизайнера [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iwi.ru/15/>
- 3.Форум об этике дизайна интерьера [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interior-design.club/threads/17861/>

УДК 17.0

О. С. ГИЛЯЗОВА

г. Екатеринбург, УрФУ

ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА УМБЕРТО ЭКО
(ПО КНИГЕ «ПЯТЬ ЭССЕ НА ТЕМЫ ЭТИКИ»)

Статья посвящена анализу этической проблематики, представленной в книге У.Эко «Пять эссе на темы этики», прежде всего темам войны, фашизма, роли СМИ и т.п., которые и поныне не утратили свою актуальность.

Этика, эссе, война, ур-фашизм, Нео-война, СМИ, интеллигенция

O. S. GILYAZOVA

THE ETHICS PROBLEMS BY U.ECO (BASED ON THE BOOK “FIVE ESSAYS ON THE TOPICS OF ETHICS”)

The article is devoted to the analysis of ethical issues presented in the book by U. Eco, «Five essays on the topics of ethics», primarily the topics of war, fascism, the role of the media, etc., which has not lost its relevance to this day.

Свою небольшую по объему книжку «Пять эссе на темы этики» У. Эко, известный итальянский семиолог, писатель и философ, написал почти четверть века назад. Но большинство тем, поднятых в ней, остаются за счет своей этической проблематичности актуальными до сих пор. Сама форма эссе дает довольно большую свободу автору, позволяя ему строгие теоретические высказывания сочетать с автобиографическими отступлениями и легкостью публицистического стиля; впрочем, этику в привычном аристотелевском или кантовском варианте здесь не найдешь. Да и сами статьи-эссе, собранные в один сборник и объединенные под одним оглавлением, представляют собой не настолько однородный материал, чтобы говорить о них одинаково.

Первое эссе, названное «Когда на смену приходит Другой», – одно из самых теоретических (хотя и является по форме письмом – ответом кардиналу К. М. Мартини) определяет условия возможности этики (в т. ч. вне веры в Бога).

Для Эко семантика дает основания для этики. Он находит разрешение проблемы «семантических универсалий» (то есть элементарных понятий, общих для всего человечества) в человеческой телесности, и этика вырастает на поле человеческой телесности, которая как таковая определяется (в том числе и сама для себя) только под взглядом Другого. Как нет языка без Другого, так и этики не может быть без Другого. Таким образом, самый общий вывод, который можно здесь сделать: этика возможна лишь тогда, «когда на сцену приходит Другой» [1. С. 9] (в том числе и я сам, как способный быть Другим, не только по отношению к другим, но и для самого себя).

Второе эссе, более конкретное по своей направленности, но более публицистическое, нежели философичное по своему запалу, посвящено проблеме войны, Войны с большой буквы. Цель данного эссе – доказать невозможность и бесполезность войны.

Эко доказывает справедливость своего главного тезиса через ряд весьма уязвимых, на мой взгляд, тезисов, а именно:

Во-первых, «атомное оружие убедило всех, что в случае ядерного конфликта не может быть победителей, а поражение потерпит вся планета» [2. С. 20]. Здесь автор рассуждает очень рационально и однобоко: далеко не всеми конфликтами движет желание только победить; У. Эко не берет в расчет случай, когда определяющей целью и желанием становится уничтожение врага, пусть даже через собственное поражение, и таких людей бесперспективностью и невозможностью победы не остановить.

Во-вторых, «в современной войне нет фронта и двух противников. Сегодня война не может быть фронтальной по причине многонациональности капитализма» [2. С. 20]. Может быть, война и не будет фронтальной, но это не значит, войны вообще не будет. И многонациональность капитализма (о чем автор забывает) может выступить не только сдерживающим фактором, но, наоборот, усугубляющим. Ведь космополитичность капитализма не только освобождает от военных обязательств перед одной нашей страной, но и дает права служить военным целям и нашим и вашим; так как понятие «наших и ваших» расплывается. С исчезновением границ между «своим» и «чужим» конфронтация не исчезает, а только переходит на новый уровень. Я думаю, что не только политическое и экономическое, но даже культурное и религиозное слияние всех (хотя это невозможно) в единую общность не спасет от войны, если не между собой, то с вновь изобретенным врагом – хоть с инопланетянами. Ради желания повоевать с кем-нибудь поверят и в их существование. У. Эко не обращает внимания на то, что появление условий, делающих, по-видимому, невозможным и бесперспективным само наличие войн, определяет иные возможности появления других, не менее жутких войн. В более поздней книге [см.: 1] данный подход к войне пересматривается Эко в пользу Нео-войны, опасной именно своими отличиями от войн традиционных.

В-третьих, «поток информации работает как секретные службы в традиционных войнах! Извещает о неожиданностях» [2. С. 21]. Но

безграничность и безудержность информации не только информирует, но и дезинформирует, и чрезмерностью информации можно добиться «как бы ее отсутствия»: разноречивая информация говорит не больше, чем отсутствующая. Еще меньшим препятствием для войны будет информация, показывающая страдания врага как нечто конкретное, а значит, по мысли У. Эко, «совершенно непереносимое зрелище» [2. С. 21]. У. Эко, как подобает пацифисту и гуманному человеку, забывает известную поговорку, которая не на пустом месте возникла: «Труп врага хорошо пахнет». Страдания врага могут не отвращать, а воодушевлять. А учитывая роль телевидения, представляющего убийства, мучения как обыденное, привычное и весьма естественное явление, притом убийства не «врагов», а посторонних людей, трудно говорить, что СМИ хоть когда-нибудь отвратят людей от войны, докажут ее безобразие; скорее наоборот – привлекут к военщине, приучив и примирив с безобразием и ужасом страданий.

В-четвертых, «власть в нашу эпоху не монолитна и не одноглава; она стала диффузной, точечной и зиждется на постоянном слиянии и на расторжении консенсусов» [2. С. 22]. Подобная трансформация власти приведет к трансформации конфликтов и войн (которые проникнут внутрь «диффузной структуры» власти), возможно, что они станут более распыленными и скрытыми, но вряд ли от этого исчезнут.

В-пятых, «если война нео-коннективна, значит, в ее системе – расчет, и намерения главных действующих лиц не имеют ценностей. Из-за наращивания количества властей в этой игре загрузки распределяются самым непредвиденным образом» [2. С. 24]. Традиционные войны Эко сравнивает с шахматной игрой, для него – это синоним ясности и прозрачности, предсказуемости участников. Умберто Эко отнюдь не преувеличивает элемент непредсказуемости современных и будущих войн, но явно преуменьшает его в традиционных войнах, в том числе и в шахматной игре, но это не останавливало войны ни в прошлые века, не остановит и сейчас. И притом – все ли гонятся за предсказуемостью, просчитанностью, все ли видят в риске только

неудачу? Не многие ли видят именно в риске залог успеха, невозможного при иных, просчитываемых условиях?

Все вышеназванное должно убедить интеллигенцию (которой У. Эко отводит особую роль, вернее от роли-функции он определяет, кто достоин считаться настоящим интеллигентом) в необходимости пропагандировать невозможность войны в современных условиях, в необходимости табуировать ее. «Интеллигентский долг – утверждать невозможность войны. Даже, если ей не видно никакой альтернативы» [2. С. 26]. Что это за невозможность войны, от которой невозможно избавиться? Странное понимание невозможности! Эко, хороший логик, допускает явное логическое противоречие из-за смешения невозможности (= онтологическая неизбежность) с недопустимостью (= этическое недолженствование). Но, от того, что войны не должны быть, огромная пропасть до того, чтобы их и на самом деле не было. Неудивительно, что позднее и сам У. Эко признает, что говоря об объявлении тотального табу на войну, «вital в облаках прекраснoдушия» [1. С. 47-48], и приходит к выводу, что «перманентным состоянием мира должна стать затяжная Нео-война, с множественными периферийными войнами, то вспыхивающими, то затухающими [1. С. 48].

Третье эссе, названное «Вечный фашизм», во многом автобиографично. Честно говоря, первое впечатление, которое возникает – это то, что маленький Умберто Эко, если бы не было движения Сопротивления и если бы фашистский режим в Италии не рухнул, вырос бы во вполне законопослушного фашиста, в обычного среднего примирившегося и даже убежденного в справедливости пропагандируемой идеологии гражданина, на которых и держатся как самые демократичные, так и самые тоталитарные режимы. Почти все эссе посвящено описанию именно итальянского фашизма, мимоходом сравниваемого с немецким социал-нацизмом в пользу первого, впрочем, с оговорками и реверансами насчет того, что вообще никакой фашизм недопустим, даже в столь мягких и синкретичных формах, как итальянский фашизм, но истинного негодования, каким бы переполнялся не-итальянец, у него не заметно.

Куда более важным, особенно в свете постоянного употребления современными российскими СМИ понятия «фашизм» (по отношению не только и не столько к немецкому нацизму (что терминологически неточно)), является выявление У. Эко основных типических черт некоего «Вечного фашизма» (или ур-фашизма), которые, по его мнению, характерны для фашизма любого сорта. Всего – 14 черт, среди них: культ традиции, неприятие модернизма, культ действия ради действия, расизм в сплаве с национализмом, популистский элитаризм, культ героизма и смерти, культ мужественности (=мускулинности) и т. д. Заканчивает же он предупреждением, что ур-фашизм не исчез, и может проявиться в любое время, и нужно быть готовым не просмотреть его, т. к. неофашизм скрытен и облекается в привлекательные одежды.

Следующие два эссе рассмотрим не так подробно, тем более что они кажутся менее теоретичными и написанными «по случаю» или «на злобу дня».

В четвертом эссе, как видно из названия «О прессе», говорится именно о прессе, по большей части, конечно, итальянской. Это наименее интересная из всех статей; единственное рассуждение, на которое стоит обратить внимание и которое подходит не только для итальянской прессы и СМИ – это различие двух возможных путей развития современных и будущих СМИ:

1) так называемый Фиджийский вариант, когда новости подаются в «телеграфном стиле», без комментариев и домыслов журналистов, которые своим произволом дискредитируют прессу;

2) «путь расширенного внимания» – дается множество комментариев и точек зрения на одно и то же событие с правом выбора читателя.

Впрочем, по-моему, эти два пути не слишком отличаются! В самом выборе статей, обзоров и т. п., а главное – тем для них (с соответствующим освещением), невозможно обойтись без некоторого произвола журналистов. Сам язык не настолько лексически нейтрален, чтобы быть свободным от идеологического наполнения, что мы можем наблюдать в тех же ежедневных новостях. И Умберто Эко справедливо отмечает, что развитие средств

коммуникации (того же Интернета) не устранил проблему разделения людей на «информационных аристократов» и «плебс информации».

Пятое эссе называется «Миграции, терпимость и нестерпимость», где по очереди рассматриваются все три перечисленные в заглавии эссе проблемы. Здесь У. Эко не столько рассуждает, сколько пророчествует, ибо чем, если не пророчеством, можно назвать его проекты будущего Европы? Впрочем, в книге, написанной уже в нашем столетии [см.: 1], он настроен куда более пессимистично: само настоящее показывает, что Европа, да и мир в целом на всех порах несутся назад, к новому средневековью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / У. Эко; пер. с ит. Е. Костюкович. – М.: Эксмо, 2007. – 592 с.
2. Пять эссе на темы этики: Сб. / У. Эко; пер. с ит. Е. Костюкович. – СПб.: Symposium, 2000. – 95 с.

УДК 17.0

С. З. ГОНЧАРОВ, М. А. КРЫЛОВ

г. Екатеринбург, Российский государственный профессионально-педагогический университет

НЕ ПРАВСТВЕННОСТЬ НАДО СОГЛАСОВЫВАТЬ С ЭКОНОМИКОЙ, НО
ЭКОНОМИКУ – С ПРАВСТВЕННОСТЬЮ

В статье раскрываются последствия экономической политики, лишенной нравственной основы и обосновываются положения о необходимости смены курса во внутренней политике России.

Нравственность, достоинство, справедливость, либеральная экономика, свободный рынок

S. Z. GONCHAROV, M. A. KRYLOV

MORALITY IS NOT NECESSARY TO AGREE WITH THE ECONOMY, BUT
THE ECONOMY – WITH MORALITY